

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2016.4.2

Культура в исторически меняющихся моделях модернизации*

В. Г. ФЕДОТОВА

(Институт философии Российской Академии наук)

Исследование культуры в процессах модернизации основано на выделении исторически разных моделей модернизации и определения роли фактора культуры в каждой из них. Рассмотрены несколько таких моделей. Во-первых, классическая модель модернизации (К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Ю. Хабермас и др.), в которой обозначены параметры перехода от традиционного общества к современному в качестве некоторых стандартов. Во-вторых, догоняющая модель модернизации, согласно которой западный опыт осваивается незападными странами, пытающимися догнать модернизированные общества. В-третьих, модель множественных модернизаций, имеющих отличие и разнообразие способов вхождения в цивилизацию модерна (Ш. Эйзенштадт). Эта концепция не получила достаточного освещения в литературе, и именно поэтому она сопоставляется с другими трактовками в данной статье. В-четвертых, национальная модель модернизации, осуществляющая модернизационные преобразования на уровне национальных государств и присущих им культур. Последняя использует общие принципы модернизации и одновременно формулирует собственные цели на основе культурных специфик и стоящих перед обществом задач в области экономики, политики и культуры.

Выявляется связь модернизации и культуры в обозначенных моделях, прослеживается историческая последовательность их возникновения, раскрывается их специфика и время доминирования каждой из моделей в ходе формирования обществ модерна, дается сравнительный анализ этих моделей с точки зрения их исторической значимости, а также актуальности и перспективности при решении новых задач модернизации.

По мнению автора, следует поставить вопрос, нуждается ли Запад в новой модернизации. Необходимо проследить роль культуры в каждой из рассмотренных моделей, провести анализ соотношения компонентов догоняющей и национальной моделей модернизации, обращаясь к опыту Западной и Восточной Европы, Китая, некоторых стран Азии. С учетом многообразия путей модернизационного развития в прошлом и особенно в настоящем анализируются дальнейшие перспективы модернизационных теорий и практик в сравнении с такими понятиями, как «развитие», «прогресс», «позитивно направленные изменения», «преобразования», «трансформации» и пр. Этот аспект проблемы чрезвычайно важен в связи с подъемом ряда стран, порой неожиданным и ограничивающим универсализацию термина «модернизация».

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00646 «Фактор культуры в национальных моделях модернизации».

The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for the Humanities (project "Culture as a Factor in the National Models of Modernization", grant No. 15-03-00646).

Ключевые слова: модернизация; теория модернизации; Ш. Эйзенштадт; модель модернизации; классическая модель модернизации; догоняющая модель модернизации; множественные модернизации; национальная модель модернизации; цивилизация модерна; культура и модернизация

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является попыткой разобраться в альтернативах и перспективах толкования модернизации, ее специфики, появления новых ее моделей. Модернизация сегодня имеет большее, чем прежде, многообразие своих типов и проявлений, тесную связь с культурной спецификой отдельных обществ и регионов, большее количество вариаций и путей преобразования, чем это предполагалось на предшествующих фазах модернизации — при переходе от традиционного средневекового общества к современному, при попытке незападных обществ последовать догоняющей модели модернизации Запада. В центре внимания статьи находятся четыре признанные учеными модели модернизации — классическая, догоняющая, цивилизационная и национальная. Последняя присуща сегодня ряду незападных стран и осуществляется в рамках национальных государств и их культур. Один из важных вопросов статьи — нуждается ли Запад в новой модернизации или в продолжении прежней, и этот вопрос, как и другие поставленные, тесно связан с ролью культуры в модернизационном процессе Запада.

Модернизация охватила сегодня многие страны, что усилено глобализацией, способствующей взаимодействию обществ разного типа по всему миру. Переосмысление понятий модернизация и современность (*modernity*) и классификация типов последней являются актуальными задачами. Поскольку Эйзенштадт впервые применил термин «множественная модернизация» в заглавии и содержании одноименной статьи, и многие авторы тоже применяют данный оборот речи в другом контексте, следует обратить внимание на то, что сегодня это утверждение имеет ряд новых значений, которые рассмотрены в данной статье. Но понимание модернизации и модерни (современности) Эйзенштадтом, содержащие принципиально новое — цивилизационное видение, составляет существенно значимый компонент модернизационной теории, который пока мало исследован.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИЙ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ МОДЕРНА

Множественность модернизаций сегодня является достаточно очевидным фактом. Представление о ней присутствует на всех обозначенных уровнях (классической модернизационной теории, догоняющей модернизационной теории, теории вхождения в цивилизацию модерна Эйзенштадта и в концепциях национальных моделей модернизации, особенно усиленных глобализацией). Обычно представляется, что в классических концепциях Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса и др. утверждаются стандарты перехода от традиционного общества к современному, и модернизация выступает как четко обозначенный, направленный и стандартный процесс, избегающий множества. Это, однако, не так. По существу, указанные исследователи развивают концепции вариантов и множественности модернизаций при наличии общих базовых черт — автономии, рационального господства, коммуникативных связей и пр. Теория догоняющей модернизации тоже признает множественность и многообразие в освоении традиционными обществами черт обществ современных.

Сегодня представления о задачах, возможностях и целях модернизаций выделяется и на национальном, и даже на региональном уровнях в пределах как крупных территориальных единиц, так и отдельных регионов страны (Беляева, 2014). Национальные модернизации осуществляются сообразно целям государств, в которых она происходит, с опорой на особенности культуры и их роль в качестве мотора модернизации или препятствия ей. Культура стран имеет значение в данном контексте как фактор, способный поддержать или затормозить модернизационные процессы.

В данной статье вопрос о множественности модернизаций ставится в определенном плане, а именно в том, как он был сформулирован Ш. Эйзенштадтом и некоторыми продолжателями его традиций. Обозначенная в данном подзаголовке проблема была сформулирована в известной работе Ш. Эйзенштадта 1995 г. «Власть, доверие и значение. Эссе о социологической теории и анализе» Он раскрыл новое видение модернизации и современности (*modernity*) путем характеристики изменений, возникших в связи с конвергенцией современного и индустриального обществ и одновременно введении понятия «цивилизация» в обсуждение данной проблемы. Он писал: «Люди стали свидетелями перехода одной современной цивилизации в множество — к нескольким современным цивилизациям. Теория модернизации перестала рассматриваться как финальная» (Eisenstadt, 1995: 34). Имеется в виду, что образцы европейской цивилизации модерна получили распространение на другие общества. Согласно Ш. Эйзенштадту, переход к современности, обществу и обществам модерна не является завершающим актом, вводящим в столетия однотипного развития, а представляет собой процесс расширения сферы современности (*modernity*) путем подключения к ней все новых и новых обществ, имеющих свои пути развития, однако осуществляемые уже в общих рамках *глобальной цивилизации модерна*. Иными словами, эволюция и модернизация отдельных обществ привели к формированию цивилизации модерна подобно имевшим место в прошлом цивилизациям древности и Средневековья.

Эйзенштадт стоит на позициях осевых цивилизаций, выдвинутых К. Ясперсом, рассматривающим их как центры притяжения разнообразных обществ в определенные исторические периоды. Ясперс считал, что происходит последовательная смена этих цивилизаций. Это — характеристика античной истории с VIII по III в. до н. э., когда возникли новые способы мышления в Персии, Индии, греко-римском мире и Китае. Ясперс обозначает термином «осевая цивилизация» период одновременного развития в разных новых пунктах в направлении цивилизационного видения, задающего вопрос о новых цивилизациях, понимании ими Космоса, этики и общества. Осевые цивилизации — это цивилизации с новым мышлением в религии и философии.

Ш. Эйзенштадт разделял концепцию осевых цивилизаций К. Ясперса. И он увидел ее продолжение в понятии «цивилизация модерна». Эйзенштадт нашел определенные основания для выделения Западной Европы как нового цивилизационного образования, которое было можно обозначить как современность (*modernity*). Концептуализации и институционализации базового напряжения между институциональным и мирским порядком стали его методом анализа. В результате нарастающие вариации специфического подхода к развитию различных обществ и к их модернизации способствовали тому, что модернизация все менее рассматривалась им как разрыв с традицией и все больше как специфическая реакция вхождения в современность, при котором исходная традиция имеет значение и включается в процесс модерниза-

ции в критически преобразованном виде. По мнению Эйзенштадта, процесс модернизации не может быть рассмотрен как конечная цель эволюции всех известных обществ. Эта новая «перспектива» модернизации не предполагает обнаружить эволюционный потенциал, свойственный всем обществам. Скорее, она рассматривает современность (*modernity*) как уникальный тип цивилизации, зародившийся в Европе и распространившийся по миру, охватывая особенно после Второй мировой войны его целиком (там же: 35). Данное утверждение может выполнять весьма важные функции «заслона» против замены любого типа изменений (эволюции, развития, трансформаций, прогресса, преобразований и пр.) сегодня, исходя из конъюнктурных соображений, термином «модернизация», что свойственно современной отечественной литературе в погоне за наиболее злободневным, актуальным, официально представленным как цель. Конъюнктурное применение термина «модернизация» размывает его принципиально содержательное и важное для России значение. Это развитие, по мнению Эйзенштадта, не похоже на распространение религии. Модернизация распространяла представления об эффективных социальных институтах в экономике, политике и идеологии, что придавало ей большую мобильность и способность заинтересовать и увлечь людей разных обществ не только теоретическими инновациями, но и практическими целями. Доосевые цивилизации не выдвигали подобной проблемы, и поставленная осевыми цивилизациями, в том числе и Европой на этапе модерна, она обрела фундаментальную теоретическую и практическую значимость. Принципиальным сегодня видится следующее утверждение Эйзенштадта: «...процесс модернизации не может более рассматриваться как *конечная цель эволюции всех известных обществ*. Эта новая перспектива модернизации не предполагает, что процесс модернизации обнаруживает эволюционный потенциал, свойственный всем обществам» (там же; курсив наш. — В. Ф.).

Однако упомянутая выше работа Эйзенштадта еще не раскрыла подробно тему модернизации, хотя и предупредила возможную неадекватность в использовании этого термина. Дальнейший разбор проблемы он осуществил в знаменитой своей статье «Множественные современности» в журнале *Daedalus*. Здесь он сделал важное заявление: «Главный смысл термина “множественные современности” состоит в том, что современность (*modernity*) и вестернизация не идентичны» (*Eisenstadt, 2000: 1*). Эйзенштадт защищает цивилизационное значение понятия «современность», но считает его не сводимым ни к понятию «современная эпоха», ни к классическим теориям модернизации (точкам зрения К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса) и выступает против универсализации европейских мерок модернизации, а также против концепции 1950-х годов, где модернизация трактуется как соперничество США и СССР по поводу выбора странами третьего мира капиталистического или социалистического способов развития. Эйзенштадт показывает, что модернизация включает многообразие трендов развития семейных отношений, экономических и политических структур, инноваций, культуры и пр.

Для модернизации обществ важны не различающиеся детали, а понимание сути современного общества (*modernity*). По мнению Эйзенштадта, идея множественности современностей предполагает, что лучший способ понять текущее состояние мира и на деле объяснить историю современности — это увидеть историю непрерывного конструирования и реконструирования множества культурных программ. Предопределенный богами социальный порядок стал рушиться, и, как показывает Эйзенштадт, именно тогда появился прядок, который мы делаем сами. Это и есть современность.

Центр этой программы в период ее образования — автономия человека. Эйзенштадт считает, что современная эпоха — это эпоха, которую мы делаем, не полагаясь на волю Бога, космоса и пр., но центр культурной программы современности — это автономия индивида. Источником ее легитимации является множество индивидуальных целей и интересов, ведущих к признанию множественных интерпретаций (там же: 5).

Эйзенштадт показывает, что первая радикальная трансформация предпосылок современного культурного и политического порядка Западной Европы была связана с ее экспансией в Америку. Американская трансформация предстала западной, но отличной от Европы формой современности, развитой на основе европейских предпосылок. *Европейская современность институционализовала в США новую форму современности. Возникновение современности в США не было тождественно европейской современности и подтвердило вариативность ее моделей* (там же: 13). Дальнейшее распространение современности продолжилось на такие страны и регионы, как Россия, Восточная Европа и др., в том числе и по мере становления глобализации на новые части планеты — Индию, Китай, Вьетнам, азиатские и латиноамериканские страны.

Множественные современности, согласно Эйзенштадту, являются порождением трансляции европейского образца современности, полученного на почве ее собственной культуры, и дальнейшего синтеза имеющихся образцов современности в других странах и регионах.

Но почему именно Европа оказалась ядром современности (*modernity*)? Таким вопросом задается американский исследователь Дж. Голдстоун. В предисловии к русскому изданию своей книги он показывает, что такой шанс имела и Россия (Голдстоун, 2014). Она потеряла свое преимущество перед Европой после поражения в Крымской войне — в то время, когда Европа, напротив, развивала критическое мышление, устремленность к прогрессу, индустриализацию. Контрреформация почти отбросила Европу с успешного пути. Но модернизационный тренд Западной Европы уже трудно было остановить. Однако Россия тоже имела грандиозные достижения в культуре, освоении земель, формировании государства. Сегодня на наших глазах усиливаются трудности Европы, как Западной, так и Восточной, и тем не менее «цивилизация современности», сформировавшаяся в Европе и начавшая распространяться в Америку и другие страны, существует и в России, и в тех странах, которые прежде были далеки от европейского пути (Индия, Китай, страны Латинской Америки и пр.). Многие оказались неожиданным. По мнению Голдстоуна, Запад ожидает спад, в то время как значительную часть остального мира — подъем: «В ближайшие десятилетия прогресс остального мира должен ускориться по мере того, как другие страны научатся преодолевать препятствия на пути к экономическому росту и войдут в число стран, пользующихся благами быстрого роста, основанного на распространении технических знаний и свободе инноваций. По мере распространения современного экономического роста возвышение Запада — процесс, продолжавшийся всего два столетия, с 1800 по 2000 г., — будет восприниматься как временный, хотя и многое изменивший, этап в мировой истории» (там же: 399–400). Этот прогноз может сбыться в отношении Западной Европы и подъема новых регионов, но трудно предположить возможности радикального экономического подъема новых стран с одновременным сохранением лидерства Западной Европой и США из-за ограниченности ресурсов, роста населения, вступления в гонку стран с совершенно другой культурой, а также того, что у прогресса и модернизации, лидерства стран могут появиться новые параметры.

СПОРЫ ПО ВОПРОСУ О МОДЕЛИ
МНОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕГОДНЯ

Сказанное выше в какой-то мере позволяет предположить, что термин «множественная современность» пытается оградить от восприятия модерна как ограниченного только Европой. Модернизационная теория и практика обретают признаки конструктивизма, при котором культурные различия обществ могут стать основанием для употребления слов «модернизация» и «современность» (*modernity*) во множественном числе — «модернизации» (*modernizations*) и «современности» (*modernities*) в общих рамках цивилизации модерна. Суть концепции Ш. Эйзенштадта по проблемам модерна состоит в том, что в отличие от теорий, видящих в модернизации переход из традиционного общества в современное и показывающих сходство процедур рационализации при этом переходе и сходство процессов модернизации во вступивших в нее различных обществах, он, как следующий теории осевых цивилизаций, видит общность процесса модернизации в разных странах *в формировании общей цивилизации модерна*, но считает процедуры осуществления этого в различных обществах далекими от возможностей канонического описания или универсализации.

Эйзенштадт понимает, что модернизация не является одним только благом, поскольку она осуществляется путем разрушения и конструирования. Это, кстати, очень серьезное отличие в видении процесса модернизации этим серьезным теоретиком от тех, кто политически маневрирует этим термином как панацеей от всех бед. Модернизация должна осуществляться с ясным пониманием того, какие потери понесет общество ради обновления и развития, какова ее цена, что произойдет в случае негарантированного успеха.

Е. Фурье, поднявшая весьма своевременный вопрос об издержках модернизации, справедливо ставит и другой вопрос, от которого в значительной мере уклонился Ш. Эйзенштадт: «Требует ли современность (*modernity*) дать субстантивную сеть процессов и феноменов или в большей мере темпоральную сеть? Можем ли мы говорить о современных обществах (и, если нужно, о несовременных) или достаточно того, что мы живем в эпохе, в которой современность стала общим глобальным условием?» (Fourie, 2012: 56). Этот вопрос не имеет четкого ответа. Но он показывает, что процессы и феномены, которые рассматривались Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом и др. в качестве алгоритма перехода к модерну, получили альтернативу в концепции цивилизации модерна Ш. Эйзенштадта, поддержанную Е. Фурье, Р. Ингельхартом и другими авторами, воспринявшими множественную модель модернизаций. Последняя предполагала многообразие путей, ведущих в цивилизацию модерна, прежде имевшую место первоначально исключительно в Западной Европе. Сегодня многое изменилось, и, скорее всего, национальные модернизации будут иметь свою вариативность. При этом сохраняются в том или ином виде и необходимые для модернизации структурные константы. Они позволят отличить не только то, действительно ли о модернизации ставится вопрос или о чем-то другом, а также понять, входит ли общество, находящееся в этом процессе, в цивилизацию модерна и может ли войти. Но понятия модерна и обществ модерна уже сегодня не тождественны западным обществам. Новые представления о модерне, а именно введение понятия «цивилизация модерна» или «цивилизация современности», не устраняют возможности вступить в это состояние сегодня кажущимся далекими от этих задач обществам, в том числе и тем, которые не имеют в качестве предпосылки развития автономного индивида. Это видно на примере Китая, Вьетнама, Сингапура и Малайзии и многих

других стран, и не удивит, если подобный путь привлечет исламские и латиноамериканские страны, позволит им на основе «культурной кристаллизации», как говорил Ш. Эйзенштадт, подготовить себя к полноценному участию в проекте модерна.

Если следовать Эйзенштадту, цивилизация модерна одна. Она появилась в Новое время, значительно позже предшествующих осевых цивилизаций, выделенных К. Ясперсом, — Индии, Китая, Египта, Месопотамии, Древнего Израиля, Древней Греции, Ирана. А модернизации и создаваемые ими общества модерна многообразны, имеют разные пути к модерну, но образуют вместе цивилизацию модерна (*civilization of modernity*). Страны, имеющие «культурную целостность» (*cultural entities*) (так называет Эйзенштадт очевидную культурную специфику, в том числе Китая, Японии, Индии и других стран), могут войти в цивилизацию модерна, в том числе и разными путями. Известная американская исследовательница Л. Гринфельд в качестве такой целостности рассматривает формирование национализмов и национальных государств, национальной идентичности в пяти странах (Англии, Франции, России, Германии, Америке), называя их пятью путями к современности (Greenfeld, 1993). Известный специалист по модернизации Ту Вэймин показывает множественность модернизаций, имеющую последствия в Восточной Азии, состоящую в появлении динамики идентичности в каждом из обществ и новых отношений между ними (Ту Вэймин, 2002).

Помимо указанных выше причин, не позволяющих смотреть на модернизацию как на абсолютное благо, на передний план выступает со временем преобладание массовых обществ, а не обществ, в которых формируется автономный индивид. Это — существенное изменение, на которое, казалось бы, не обратили внимания ни М. Вебер, ни Ш. Эйзенштадт. Однако важно понимать, что речь у них шла об автономии, достигнутой в Западной Европе XIX в. в сравнении с феодальной домодерной эпохой сословий, религий, феодализма, классового господства и пр.

С VI по XVIII в. население Земли оставалось неизменным — 180 млн человек. С 1800 по 1914 г. оно выросло до 460 млн человек в связи с улучшением качества жизни. Уже это предполагало проникновение масс в те сферы, которые принадлежали раньше элитам или, как говорит Ортега-и-Гассет, — меньшинству (Ортега-и-Гассет, 1997: 72). Массовое общество появилось изначально в США. Популярная здесь идея прав человека создавала возможности для большинства людей иметь доступ к материальным благам. Люди, избалованные этими благами, воспринимали их как естественные, а не результат труда отцов и взрастили в себе представление о своем равенстве и даже превосходстве над творческим меньшинством: «Действительно, видя мир так великолепно устроенным и слаженным, человек заурядный полагает не в силах додуматься, что это требует усилий людей незаурядных... Избавленный от любого давления извне, от любых столкновений с другими, он (человек массы. — В. Ф.) приывает ни с кем не считаться, а главное — никого не считать лучше себя» (там же: 73). Фабрики все более производили усредненную и легко манипулируемую массу, изготавливаемую индустриальным производством, его обезличивающими средствами, такими, как конвейер, как отчужденный машинный труд. Масса к первой трети XX в. сложилась как следствие постоянного скопления людей в местах их труда в индустриальном производстве. Она состояла из людей разных слоев и сословий, обладающих названными чертами. И эта масса *восстала*, опираясь на собственную природу, не зная запретов, признавая только прямое действие, пытаясь организовать порядок, который бы дискредитировал прежний. Сила восстания была столь велика, что к массе стало приспособляться и творческое меньшинство.

Массовое общество получает возможности потребления и массовую культуру, удовлетворяющие запросам составляющих его масс и поддерживающих массы именно на уровне ее запросов.

Одним из первых к новой трактовке масс перешел Г. Блумер (1951), рассмотревший массу как качественную характеристику спонтанного коллективного группирования, включающего представителей самых разных слоев. Она образует группу, состоящую из анонимных индивидов, не имеющую взаимодействия и обмена переживаниями между ее представителями и плохо организованную, из-за чего она неспособна действовать с согласованностью и единством толпы (Блумер, 1996: 182). Как и Х. Ортега-и-Гассет, Блумер подчеркивает, что масса не является ни обществом, ни общиной. Это наиболее трудно понимаемое положение в характеристике масс. Нередко их отождествляют с трудящейся массой, слоями нижней социальной стратификации. Присущие этим слоям черты — слабая организация, неэффективные коммуникации между ними, а также их вырванность из укорененной в традициях и обычаях жизни распространяются в обществе вследствие первоначального напора масс. Но у массы, по мнению Блумера, полностью отсутствуют социальная организация, обычаи или традиции, устоявшиеся правила и ритуалы, установки, структура статусных ролей, умения. Отсюда «...поведение массы, именно потому, что оно не определяется никаким предустановленным правилом или экспектацией, является спонтанным, самобытным и элементарным» (там же: 183). Если массовое поведение организуется, то оно, по мнению Блумера, становится не массовым, а социальным движением. Масса у Блумера — уже не восставшая, а *пассивная*. Это обстоятельство меняет условия модернизации, в некоторых случаях просто отменяя принцип ее осуществления — ориентацию на автономию индивида.

Без трактовок, где масса воспринимается как восставшая или пассивная, трудно перейти к концепциям апатичной массы, ибо возникает риск восприятия апатии как всегдашнего свойства массы. Таково именно восприятие массы Ж. Бодрийаром и некоторыми постмодернистами. Бодрийар рассматривает массу сегодня как «*молчаливое большинство*», состоящее из людей, которые могут никогда не встречаться. Это уже не собрание «одномерных людей» (Г. Маркузе) и не людей «без свойств» (*а большинство без свойств*). Апатия, присущая массе, полагает Бодрийар, «относится к их сущности, это их единственная практика, и говорить о какой-либо другой, подлинной, а значит, и оплакивать то, что массами якобы утрачено, бессмысленно» (Бодрийар, 2000: 19). Однако мы упомянули *восставшую массу* Ортега-и-Гассета, *пассивную массу* Блумера до того, как познакомились с *апатичной массой* Бодрийара, при всем том, что они сходным образом понимают массу. Ортега-и-Гассет объясняет, в каком смысле и почему воссталась масса, Блумер описывает, почему на другом историческом этапе она оказалась пассивной. Апатичной, по мнению Бодрийара, она стала именно из-за своего господства, которым она вытеснила социальное. Пренебрежение же иерархией социальной структуры поставило массу не только выше творческого меньшинства, но и выше социального, которое прежде могло скорректировать поведение масс. По этой причине масса начала диктовать свой вкус. «Рациональная коммуникация и массы несовместимы, — считает Бодрийар. — Массам *преподносят смысл*, а они жаждут зрелища... Массы — это те, кто... поработен стереотипами, это те, кто воспринимает все что угодно, лишь бы это оказалось зрелищем» (там же: 14; курсив наш. — В. Ф.). Бодрийар говорит, что все имеет свою репрезентацию, кроме массы. Он утверждает, что «пренебрежение смыслом красноречиво характеризует молчаливую

пассивность» (там же: 15), которую можно назвать апатией. И это становится новым препятствием модернизации, в основу которой положена идея «цивилизации модерна», вмещающей в себя множество модернизирующихся и модернизированных обществ. Ш. Эйзенштадт совсем недавно ставил в центр современности автономного индивида, но в эпоху масс это делается недостижимым (см.: Федотова, 2016).

Что делает общества обществами модерна и сохраняет цивилизацию модерна при том, что автономный индивид более не является продуктом модернизации? Массовая культура заполнила прежнее поле автономии. Это одна из самых сложных проблем поиска субъекта модернизации. Автономный индивид мыслился как человек, имеющий свои интересы и представления, цели и задачи. Его надо было сделать автономным от ограничений феодального общества и сословных представлений, от докапиталистической этики, которая не позволяла заниматься предпринимательством. Он должен был быть автономен ради формирования правовых норм, которые касаются всех.

Однако признаки модерна в при переходе от либерального капитализма XIX в. к организованному капитализму XX в. состоят не в этой уже достигнутой прежде автономии, а в новых способах участия в экономической жизни и производстве, в овладении новыми навыками труда, в политической свободе и участии в выборах, в возможности образования и создании планов жизнеустройства. Сказанное свидетельствует о разнообразии и множестве траекторий модернизации в XX и XXI вв. Ядром современности многие исследователи считают, как было отмечено, уже не автономию индивида, а рациональное господство, которое было рассмотрено М. Вебером. *Но, наряду с автономией и рациональным господством, модерн теперь имеет ряд новых качеств: он поддерживает государство как суверенную единицу, формирует современные общества, вовлекает людей в новую производственную и экономическую деятельность, развивает образование, создает образцы поведения, адекватные модерну, изменяет положение неевропейских народов, освобождает женщин там, где они были порабощены, и тем самым формирует многочисленные группы граждан, выигрывающих от перехода к модерну.*

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРЕЖНИМ КОНЦЕПЦИЯМ МОДЕРНИЗАЦИИ

Критика теорий модернизации сегодня идет в двух направлениях — и по линии критики цивилизации модерна (современности), отличной от других осевых цивилизаций и от исторически сменяющих друг друга цивилизаций древности, Средневековья и Нового времени, согласно теории Эйзенштадта, утверждающего требование множества модернизмов, т. е. путей к модерну разных обществ для расширения цивилизации нового модерна. *Эта концепция только по счастливому незнанию может казаться продолжением концепции модернизации на основе достижения определенных свойств и качеств, которые предписываются модернизации, как это было у Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, где речь шла не о цивилизации модерна, в которую вливаются общества с реально осуществляемыми или осуществленными модернизациями, а просто о разнообразии процессов модернизации в разных странах.*

Примером непонимания этого является статья финского ученого Э. Алларда. Он основывается на том, что в странах Скандинавии идеи, относящиеся к социальным процессам, редко строятся на концепциях модерна (*modernity*) и модернизации. Они функционируют преимущественно в теоретических дискуссиях, не вносящих вклад

в описание развития общества. Но это — не основная и не единственная причина критики модернизационных теорий. «Первоначально модерн считался присутствующим в развитии структурной дифференциации, в новых измерениях институтов, плюралистичных культурных программах, в развитии рефлексивности и т. д. Классические социологические теории модерна, как их разработали Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер, вполне очевидно строились на посылке, что стандарты модерна... будут переняты всеми модернизирующимися странами» (Аллард, 2002: 61). Аллард пишет: «...трудно представить, чтобы их очень разный исторический опыт последних двух веков не создал значительных различий в господствующих там предпочтениях и отрицаниях черт модерна... Во всяком случае, при формулировании теории модерна и применении ее к странам центра Европы плодотворной была бы конкретизация, насколько и исторический опыт и географические, социальные факторы создавали тенденцию движения к разным опциям, не считая, что критерии и цели модернизации одинаковы для всех стран... По Попперу социальная политика должна сосредоточиваться на устранении плохих условий, от которых люди страдают, а не стремиться ввести идеальные условия, создать которые можно чаще всего только путем сокрушения оппонентов» (там же: 65). Модернизация во всех ее вариантах не предполагала совершенного общества, а ориентировалась на общество современное. Именно подобный тезис был предложен нами к книге «Модернизация и культура» (Федотова, 2016). Современность виделась в двух вариантах — как различающиеся между собой модернизации, одни из которых входили в цивилизацию модерна, последующую за цивилизациям древности и Средневековья, и как модернизации, реализующие программу перехода из традиционного обществ в современное.

АПОЛОГЕТИКА И КРИТИКА ТЕОРИЙ МНОЖЕСТВЕННЫХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Теория множественных модернизаций, образующих цивилизацию современности, излагалась Эйзенштадтом как часть его совокупных воззрений на цивилизации. В ней не нашли места основные идеи предшественников, которых мы уже называли, предполагавших, что каждое общество модернизируется самостоятельно на основе некоторых непреложных правил, но не составляет множество модернизмов из-за общности и сходства правил перехода от традиционного общества к современному. Э. Дюркгейм считал модернизацией переход от общества с механической солидарностью к обществу с органической солидарностью, структурной дифференциацией, возрастанием роли разделения труда, индивидуализацией, уменьшением роли коллективного сознания. Согласно М. Веберу, суть модернизации состоит в переходе от традиционных обществ к современным и в ряде социумов Европы осуществляется на основе протестантской этики. Т. Парсонс полагал, что процесс модернизации связан с усилением адаптивного усовершенствования. Возникновение современных обществ, по его мнению, сопряжено с появлением четырех универсалий: бюрократической организации, денег и рынков, универсальной правовой системы и демократической ассоциации как на уровне власти, так и на уровне общества. Большое значение он придавал формированию индустриального производства, основанного на индивидуальном найме и специализации профессий. Это делало необходимым координацию и контроль посредством рынков, бюрократии и демократии. Ю. Хабермас считает модерн незавершенным проектом, объединяя его проектность, сознательные усилия людей для его осуществления с невозможностью завершить этот проект, т. е. с его открытостью для будущего. В последнем утверждении Ю. Хабермас может быть истолкован как близкий

к Ш. Эйзенштадту, открывшему множественность модернизмов, которые наполняют новую цивилизацию модерна, хотя сам он не утверждает свою связь с концепцией Эйзенштадта. П. Вагнер считает XIX в. веком либерального модерна. Первая половина XX в. обернулась кризисом и войной. Оставшаяся часть XX в. дала образец организованного (бюрократией, технократией и социал-демократией) модерна. С нашей точки зрения, XXI в. стал новым Новым временем для незападных стран, в котором государства, особенно незападные, устремились в условиях глобализации к осуществлению национальной модели модернизации, т. е. достаточно специфическим и адекватным местной национальной культуре усилиям по вхождению в модерн. Это в меньшей мере относится к России, Восточной Европе, которые были близки к европейским процессам, но ближе к странам Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и других регионов, не связанным с европейской модернизацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ряде своих работ мы рассматривали идеи общности развития через сходно выступающие процессы модернизации разных обществ, сознательно направляющих себя на противостояние традиционным формам поведения или пытающихся универсализировать новые принципы модернизации (Федотова, 1997, 2005, 2016; Козловский, Уткин, Федотова, 1995; Федотова, Колпаков, Федотова, 2008). Современность (*modernity*) не едина, не унифицирует пути модернизации и достижения черт современного общества и даже не считает Запад единственным представителем модерна и его образцом для всех других обществ, наций и стран.

В 1950–1960-е годы американцами, особенно Т. Парсонсом, было отмечено, что программы индустриализации и урбанизации, развиваемые в США, захлестнут весь мир. Парсонс исходил из представлений об универсалиях, на которых строится переход к современности: от аффективного выбора к аффективно нейтральному; от ориентации на себя к ориентации на коллектив, вплоть до общества; от универсализма к партикуляризму; от качества человека к его деятельности и взаимодействию в процессе этой деятельности. Он отмечает значимость для современности периода либеральной демократии, капитализма, бюрократии, индивидуализма, культурных измерений, не создающих единую «униформу» модернизационной трансформации, а поддерживающих множество модернизмов. Иными словами, идея множественных модернизаций привела к пониманию того, что в цивилизации модерна имеется множество национальных контекстов и культур, которые влияют на характер модернизации каждого общества и влетают достигнутый результат в совокупный итог цивилизации модерна, возникшей первоначально в Западной Европе, что страны все более и более, устремляясь к новой цивилизации модерна, модернизируют себя под эту задачу. Мы имеем все основания утверждать, что в рамках отдельной страны (региона, общества, нации) такая множественность модернизаций не достигалась, а напротив, шел поиск оптимальной и обоснованной модели модернизации. Это можно наблюдать в описаниях множества модернизаций в отдельных странах. Упомянутая выше исследовательница Е. Фурье отмечает: «...сторонники множественной модернизации очень скептически относятся к теориям Гегеля, Маркса, Вебера, Парсонса, Хабермаса как частным и фокусирующимся на влиянии единичных или институциональных факторов. У Эйзенштадта более нюансированная концепция, уделяющая большее внимание освобождающим и деструктивным факторам модерна. В 1970–1980-е годы сторонники множественных модернизаций аргументировали, что новые не тотализирующие

теории появились в конце холодной войны» (Fourie, 2012: 55). Странники теории множественной модернизации настаивают на преимуществах своей трактовки, проявившихся не только в истории модернизации Западной Европы, но и в распространении этого процесса на США, Россию, Восточную Европу, Японию, Китай, Индию, на азиатские и латиноамериканские общества. В них, согласно Эйзенштадту, происходит своя «культурная кристаллизация» и рождаются свои «культурные целостности» или используется концепт цивилизации, который, как считает П. Вагнер, представляет одну из форм социетального самопонимания, а Эйзенштадт, как уже отмечено, рассматривает множественные модернизации как постоянное конструирование и реконструирование культурных программ.

Концепт национальных моделей модернизации первоначально применялся для демонстрации специфических задач осуществления модернизаций незападными странами, не имевшими контакта с европейским модерном, — Китаем, Индией, Японией, Вьетнамом, Южной Африкой, обществами Латинской Америки и пр. (Буров, Федотова, 2007). Разделяя сегодня задачи необходимости модернизации в своих обществах и развивая методы осуществления модернизации у себя, а также вхождения в экономические, политические отношения со странами модерна, не все эти общества прямо ориентированы на вхождение в «цивилизацию модерна», но в большей мере на собственные задачи модернизации, обеспечивающие им конкурентоспособность, экономический успех, политическую стабильность и подъем своего общества. Эти задачи до поры до времени решаются как национальные модели модернизации, но не исключено, что рано или поздно они завершатся вхождением их в «европейскую цивилизацию модерна», интегрирующую множество модернизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аллрад, Э. (2002) Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологические исследования. № 9. С. 60–66.

Беляева, Л. А. (2014) Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы // Социальное развитие. Экономика и социальные перемены. Факты, тенденции, прогнозы. № 1 (31). С. 108–112.

Блумер, Г. (1996) Коллективное поведение // Американская социологическая мысль : тексты : перевод / сост. Е. И. Кравченко ; под общ. ред. В. И. Добренкова. М. : Междунар. ун-т бизнеса и упр. 556 с. С. 166–212.

Бодрийар, Ж. (2000) В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та. 32 с.

Буров, В. Г., Федотова, В. Г. (2007) Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. № 5. С. 7–20.

Голдстоун, Дж. (2014) Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / пер. с англ. М. Рудакова, И. Кушнаревой. М. : Изд-во Института Гайдара. 299 с.

Козловский, В. В., Уткин, А. И., Федотова, В. Г. (1995) Модернизация: от равенства к свободе. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та. 278 с.

Ортега-и-Гассет, Х. (1997) Восстание масс // Ортега-и-Гассет, Х. Избр. тр. / пер. с исп. М. : Изд-во «Весь мир». 704 с. С. 43–163.

Ту Вэймин. (2002). Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу? / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований. 320 с. С. 237–250.

Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой» Европы. М. : ИФ РАН. 253 с.

Федотова, В. Г. (2005) Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция. 543 с.

- Федотова, В. Г. (2016) Модернизация и культура. М. : Прогресс-Традиция. 334 с.
- Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция. 607 с.
- Eisenstadt, S. N. (1995) Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis. Chicago, L. : Chicago University Press. 401 p.
- Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities // *Daedalus* : Winter. Vol. 129. №1. P. 1–29.
- Fourie, E. (2012) A Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory // *Social Science Information*. № 51(1). P. 52–69. DOI: 10.1177/0539018411425850
- Greenfeld, L. (1993) Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 581 p.

Дата поступления: 15.09.2016 г.

CULTURE IN HISTORICALLY CHANGEABLE MODELS OF MODERNIZATION

V.G. FEDOTOVA

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

A study of culture in the process of modernization is built upon outlining the historical models of modernization and establishing the role the cultural factor played in each of them. In this article, we examine several such models. We begin with the classical modernization model (K. Marx, E. Durkheim, M. Weber, T. Parsons, J. Habermas, etc.) which takes the transition from traditional to modern society as a guideline. Secondly, we look at the catch-up model of modernization which describes the ways Western experience is appropriated by non-Western societies striving to catch up with the ones already modernized. Thirdly, there is the multiple modernizations model which postulates the variety of entrance points and paths to the civilization of modernity (S. Eisenstadt). Since this theory has never been sufficiently discussed, it is of crucial importance to compare it with its counterparts. Finally, we can talk of the national model of modernization which works on the level of nation states and their cultures. In enforcing modernizing transformations, this model follows the general principles of modernization, but shapes its own goals from the culture of a particular society and the challenges it faces in economy, politics and culture.

In all of the models, we have traced the links between modernization and culture, as well as the timelines of their history, their specific features and domination period in the rise of modern society. We also provide a comparative analysis of these models in the terms of their historical importance, topicality and potential role in meeting the new challenges of modernization.

A question that must be asked at the moment is whether the West needs a new round of modernization. We should explore the role culture plays in each of these models and analyze the correlation of national and catch-up models of modernization in the experience of Western and Eastern Europe, China and other Asian nations. Given the variety of paths to modernizing development in the past and especially in the present, the article also pays attention to the future prospects of theories and practices of modernization as compared to the notions of 'development', 'progress', 'positive change', 'transformation', etc. This aspect of the problem has become especially important after the rise of a number of countries – a rise often unexpected and putting a limit to the universal use of the term 'modernization'.

Keywords: modernization; modernization theory; S. Eisenstadt; modernization model; classical model of modernization; catch-up model of modernization; multiple modernizations; national model of modernization; civilization of modernity; culture and modernization

REFERENCES

- Allard, E. (2002) Somnitel'nye dostoinstva kontseptsii modernizatsii. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 60–66. (In Russ.)

- Beliaeva, L. A. (2014) Regional'nyi sotsial'nyi kapital i mnozhestvennaia modernizatsiia v Rossii. K postanovke problem. *Sotsial'noe razvitiie. Ekonomika i sotsial'nye peremeny. Fakty, tendentsii, prognozy*, no. 1 (31), pp. 108–112. (In Russ.)
- Blumer, G. (1996) Kollektivnoe povedenie. In: *Amerikanskaia sotsiologicheskaia mysl' : teksty* : trans. and comp. by E. I. Kravchenko, ed. V. I. Dobren'kov. Moscow, Mezhdunar. un-t biznesa i upr. 556 p. Pp. 166–212. (In Russ.)
- Baudrillard, J. (2000) *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo*. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'sk. un-ta. 32 p. (In Russ.)
- Burov, V. G. and Fedotova, V. G. (2007) Kitaiskii opyt modernizatsii: teoriia i praktika. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 7–20. (In Russ.)
- Goldstone, J. (2014) *Pochemu Evropa? Vozvyslenie Zapada v mirovoi istorii, 1500–1850*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara. 299 p. (In Russ.)
- Kozlovskii, V. V., Utkin, A. I. and Fedotova, V. G. (1995) *Modernizatsiia: ot ravenstva k svobode*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 278 p. (In Russ.)
- Ortega-y-Gasset, J. (1997) Vosstanie mass. In: Ortega-y-Gasset, J. *Izbrannye trudy*, Moscow, Izd-vo «Ves' mir». 704 p. Pp. 43–163. (In Russ.)
- Tu Weiming. (2002) Mnozhestvennost' modernizatsii i posledstviia etogo iavleniia dlia Vostochnoi Azii. In: *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obschestvennomu progressu?*, ed. by L. Harrison and S. Huntington. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani. 320 p. Pp. 237–250. (In Russ.)
- Fedotova, V. G. (1997) *Modernizatsiia «drugoi» Evropy*. Moscow, IF RAN. 253 p. (In Russ.)
- Fedotova, V. G. (2005) *Khoroshee obschestvo*. Moscow, Progress-Traditsiia. 543 p. (In Russ.)
- Fedotova, V. G. (2016) *Modernizatsiia i kul'tura*. Moscow, Progress-Traditsiia. 334 p. (In Russ.)
- Fedotova, V. G., Kolpakov V. A., and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: Tri velikiie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obschestva*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 607 p. (In Russ.)
- Eisenstadt, S. N. (1995) *Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis*. Chicago, L., Chicago University Press. 401 p.
- Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus* : Winter, vol. 129, no. 1, pp. 1–29.
- Fourie, E. (2012) A Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory. *Social Science Information*, no. 51 (1), pp. 52–69. DOI: 10.1177/0539018411425850
- Greenfeld, L. (1993) *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 581 p.

Submission date: 15.09.2016.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России» Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: val_fedotova@mail.ru

Fedotova Valentina Gavrilovna, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Head of Research, “Social Philosophy and Development of Civil Society in Russia”. Postal address: 12 Bldg. 1 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: val_fedotova@mail.ru